

ЛОРД КИНРОСС

РАСЦВЕТ И УПАДОК

ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ

НА РОДИНЕ
СУЛЕЙМАНА
ВЕЛИКОЛЕПНОГО

Гарем (Алгоритм)

Лорд Кинросс

**Расцвет и упадок Османской
империи. На родине
Сулеймана Великолепного**

«Алисторус»

2013

УДК 821.161.1
ББК 84

Кинросс Л.

Расцвет и упадок Османской империи. На родине Сулеймана
Великолепного / Л. Кинросс — «Алисторус», 2013 — (Гарем
(Алгоритм))

ISBN 978-5-4438-0481-1

Книга известного английского писателя Лорда Кинросса освещает 600-летнюю историю Османского государства, начиная с 1300 года и вплоть до возникновения Турецкой Республики. Впервые так ярко и доступно воссоздается полная и захватывающая картина турецкой истории. Особо ярко описаны любовные страсти, разворачивавшиеся в гаремах турецких султанов, и то, как это влияло на политику и имидж страны. Все любители сериала «Великолепный век» получают уникальную возможность сравнить реальную историю с «сериальной». Книга «Расцвет и упадок Османской империи» – самая полная история Османского государства, родины Сулеймана Великолепного и его наследников!

УДК 821.161.1

ББК 84

ISBN 978-5-4438-0481-1

© Кинросс Л., 2013

© Алисторус, 2013

Содержание

Часть I	6
1	6
2	16
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Лорд Кинросс
Расцвет и упадок Османской империи.
На родине Сулеймана Великолепного

© Кинросс Л., 2013

© Пальников М., перевод, 2013

© ООО «Издательство Алгоритм», 2013

Часть I

Заря империи

1

История возникновения Османской династии окутана легендой. По традиции, ее основатель, по имени Эртогрул, был вождем небольшого племени, который, по мере того как мигрировал по Малой Азии с отрядом всадников в количестве примерно четырехсот человек, оказался на поле боя между двумя группировками неизвестных ему соперников. Посоветовавшись со своими людьми, он по-рыцарски принял сторону проигрывавших, тем самым изменив соотношение сил и обеспечив им победу. Ими оказались войска сельджукского султана Алаеддина из Коньи, сражавшиеся с отрядом монголов. Алаеддин вознаградил Эртогрула земельным наделом – феодем вблизи Эскишехира, включавшим земли для летнего и зимнего проживания в Сегюте, к западу от Анатолийского плато. Этот участок был позднее расширен в обмен на поддержку султана во время неудачно складывавшейся для последнего, но ставшей победоносной битвы – на этот раз против греков. Эта легенда предназначалась для того, чтобы утвердить легитимную связь османов с правящей династией, позже подтвержденную награждением сына Эртогрула, Османа, знаками суверенности в виде стяга и барабана. Далее подобные легенды, характерные для династической мифологии средневековых и даже библейских хроник, обращаются к вещим снам Эртогрула и его сына Османа. Утверждается, что Осман однажды провел ночь в доме благочестивого мусульманина. Перед тем как Осман лег спать, хозяин дома принес в комнату книгу. Спросив, как называется эта книга, Осман получил ответ: «Это Коран; слово Божие, реченное миру его пророком Мухаммедом». Осман начал читать книгу и продолжал стоя читать всю ночь. Он уснул ближе к утру, в час, согласно мусульманским верованиям, наиболее благоприятный для пророческих мечтаний. И действительно, во время сна ему явился ангел, произнесший слова: «Поскольку прочел ты мое вечное слово со столь большим почтением, детей твоих и детей твоих детей будут чтить из поколения в поколение».

Последующая мечта касалась девушки по имени Малхатун (Малхун), которую Осман хотел бы взять в жены. Она была дочерью мусульманского кади (судьи) в близлежащей деревне, шейха Эдебали, который два года тому назад отказался дать свое согласие на брак. Во сне Осман получает новое откровение: из груди шейха, лежавшего бок о бок с ним, вышла луна. Когда она стала полной, она вошла в его собственную грудь. Затем из его чресел стало расти дерево, которое по мере роста стало накрывать весь мир сенью своих зеленых и красивых ветвей. Под деревом Осман узрел четыре горных хребта – Кавказ, Атлас, Тавр и Балканы. От их подножий брали свое начало четыре реки – Тигр, Евфрат, Нил и Дунай. На полях зрел богатый урожай, горы были покрыты густыми лесами. В долинах виднелись города, украшенные куполами, пирамидами, обелисками, колоннами и башнями, все увенчанные полумесяцами. Отовсюду были слышны призывы к молитве, смешивающиеся с пением соловьев и криком попугаев, сидящих среди густо переплетенных благоуханных ветвей.

Внезапно листья на ветвях стали вытягиваться, превращаясь в лезвия мечей. Поднялся ветер, направляя их в сторону города Константинополя, который, «располагаясь на стыке двух морей и двух континентов, представлялся бриллиантом, вставленным в оправу из двух сапфиров и двух изумрудов, и, таким образом, выглядел как драгоценный камень кольца, охватывавшего весь мир». Осман уже был готов надеть кольцо на палец, когда вдруг проснулся. Он пересказал свое сновидение Эдебали, который истолковал его как знак Божий и после этого отдал свою дочь в жены Осману, предсказывая власть и славу их потомству. Церемония была

проведена с соблюдением строжайших требований ритуала истинной веры святым дервишем, для которого Осман позже построил монастырь, пожертвовав ему богатые земли и деревни.

Осман I – первый османский султан, сын князя Эртогула и его турецкой наложницы Хаймы

Первая из этих двух легенд предполагает, что Осман и его народ еще не были мусульманами во время их расселения в районе Эскишехира. Первая волна турецких переселенцев, вступившая в Малую Азию начиная с XI века и дальше, в качестве тех, кто шел впереди или вслед за армиями сельджуков, состояла по большей части из обращенных в ислам в результате их предшествующего общения с арабо-мусульманским миром. Но уже следующая волна, в XIII веке, состояла по преимуществу из язычников, и, похоже, именно к этой волне принадлежали османы. Большинство их пришло не в качестве поселенцев, а как беженцы, теснимые в западном направлении вторжением языческих монгольских орд. Многие из них осели на землях Восточной Малой Азии, чтобы, пожалуй, вернуться домой, когда уйдут монголы. Однако другие, более воинственные, устремились вперед, на земли сельджуков.

В их числе были османы, которые подобным образом подпали под покровительство султана Алаеддина. Он подарил им земли в беспокойных приграничных районах, где они могли бы поддерживать порядок на местах или же сражаться с византийскими греками за новые владения, но в собственную армию не включил. По всей вероятности, это был именно тот период, когда последователи Эртогрула и Османа были обращены в ислам, который вдохнул в османский народ – и без того одаренный достоинствами и боевыми качествами кочевников – новый боевой дух защиты.

Народ, который видел себя не просто турками – понятие, ассоциировавшееся с жителями Туркестана в целом, – но османлы, последователями Османа, он, тем не менее, едва ли обладал в эти начальные дни качествами, особо отличающими его от тюркских соседей. Их государство было просто одним из десяти государств-наследников, которые остались от империи сельджуков и монгольского протектората, и одновременно одним из самых небольших. Своей последующей имперской судьбой османы обязаны географической случайности: стратегически важному положению в северо-западном углу Малой Азии, непосредственно на азиатских границах Византийской империи в момент ее упадка, более того, возможности легко достичь моря и лежащих за ним земель Балканского полуострова.

Среди воинов пограничных областей османы проявили уникальность в том, что оказались способными воплотить плоды своих военных завоеваний в эффективный политический механизм. Осман был администратором в той же мере, в какой он был воином, к тому же ему очень помогала поддержка со стороны его тестя Эдебали, служившего визирем. Осман был мудрым, терпеливым правителем, которого искренне уважали окружающие и готовые преданно служить ему за его незаурядные способности руководителя. Осману, конечно же, было присуще естественное чувство превосходства, но он никогда не стремился самоутвердиться с помощью власти. Его уважали не только равные ему по положению, но и те, кто превосходил Османа своими способностями, потому что он никогда не считал зазорным прислушаться к мнению более умного. Осман был человеком, по выражению Г. А. Гиббонса, «достаточно великим, чтобы использовать знающих людей». Его приверженцы добросовестно помогали заложить для этого небольшого растущего государства такие основы, которые гарантировали бы его дальнейшее надежное существование. Между тем в качестве беев с полуавтономным статусом они возглавляли свои собственные армии и управляли собственными завоеванными территориями, всегда координируя свою деятельность и подчиняясь распоряжениям своего вождя.

Горя истинным духом религиозного энтузиазма, Осман сам привнес в свое княжество простую веру и рвение ранних мусульман, которых воодушевлял его великий предшественник и тезка халиф Осман. В их традициях он ставил справедливость выше власти и богатства, в то же время управляя государством, как и его преемники, на основе неделимой, личной верховной власти. Османы первых поколений были, таким образом, свободны от династических распри со стороны других сельджукских княжеств. Начиная жизнь заново в иной обстановке, они смогли проявить и упорство, и волю, и терпимость; они приобрели практический,

конструктивный опыт, чтобы приспособить себя к социальным и экономическим условиям страны, которой они управляли.

Османы развили свои собственные ресурсы и привлекли ресурсы – интеллектуальные и теологические, производственные и торговые, – имевшиеся в более урбанизированном окружении соседних территорий, а с течением времени – из еще более отдаленных государств. Более всего другого они заимствовали административные и другие знания самих греков, тщательно изучая их методы управления в этом последнем азиатском анклав умиравшей Византийской империи. Ибо османы, в отличие от того образа исламского мира, каким он воспринимался за границей, начиная со времен первых арабских завоеваний обращались со своими врагами в духе, свободном от религиозного фанатизма. Они жили больше в греческом, чем в турецком окружении. Владельцы соседствовавших с Османом деревень и замков были христианами, с которыми он часто поддерживал дружественные отношения. В числе его ближайших компаньонов были греческие семьи Михалоглы и Маркозоглы, сыновей Михаила и Маркоса, когда-то бывших врагов, а затем преданных друзей и сторонников Османа. В результате дружбы с ним они приняли мусульманскую веру.

На территории османов не было всеобщей исламизации христиан, менее всего – в принудительном порядке. Христиане становились мусульманами по собственному выбору, в ответ на собственные побуждения и преследуя собственные интересы. По мере разрушения центральной власти в Константинополе люди все больше чувствовали себя забытыми своими правителями и, действуя в духе реализма, предпочитали относительный порядок и безопасность османского правления наряду с большей свободой выбора для мусульман и освобождением от обременительных налогов. В духовном плане, с падением авторитета православной церкви, эти азиатские греки откликнулись на стимулы новой веры. В социальном плане они не слишком отличались от своих пограничных соседей-османов происхождением и образом жизни. Будучи обращенными или нет, они легко приспосабливались к образу жизни османов. Смешанные браки между греками и турками стали обычным делом, что способствовало зарождению и развитию нового смешанного общества.

Вскоре стало очевидным, что османские турки не были больше простыми кочевниками, а превратились в оседлых жителей гористого северо-западного угла Малой Азии. Они менялись вместе со временем, в пределах, отведенных для них их собственной пограничной цивилизацией, основывавшейся на разновидности народной культуры. Составленная из элементов азиатского и европейского происхождения, мусульманства и христианства, турок и тюрок, кочевников и оседлых жителей, она была прагматичной в своем мировоззрении и свободной от более ортодоксальных культурных и социальных ограничителей феодальных турецких княжеств, лежавших к востоку. Возникшее общество стало прототипом общества, призванного наследовать Византии, и трансформировать это наследство. Именно так империя турок-сельджуков заполнила вакуум, оставленный империей арабов. Именно так в свое время Византия наследовала Риму.

Сам Осман не торопился расширять унаследованное им владение за счет соседей. Медленно, но верно осуществляемый, его план заключался в том, чтобы ждать и наблюдать, жить и учиться, прокладывая свой путь на территорию Византии только постепенно. Три укрепленных города господствовали над этими уцелевшими землями Византии в Азии. К югу, на склонах горы Олимп, лежала Бурса, властвовавшая над богатой Бифийской равниной; в центре, в верхней части озера, располагалась Никея, фактическая столица этого края; к северу, в верхней точке протяженного залива, – порт Никомедия, контролировавший морской путь в Константинополь и сухопутный путь к Черному морю. Все они находились в пределах дневного перехода от столицы османов. Но сначала не был атакован ни один из них. За шестьдесят лет спорадических крестьянских междоусобиц, начиная со времени правления Эртогрула, османы

продвинулись всего лишь на шестьдесят миль от города Эскишехира – «старого города» до «нового города» – Енишехира. Его захват блокировал сообщение между Никеей и Бурсой.

Однако Осман, зная о прочности крепостных укреплений в этом столь жизненно важном для Константинополя районе и об относительной слабости собственной армии, продолжал ждать своего часа. Тем временем численность его войска постепенно увеличивалась, пока из отряда в четыреста воинов при Эртогруле оно не выросло, по слухам, до четырех тысяч человек. Источниками дальнейшего пополнения его рядов служили искавшие занятия из-за статичных границ соседних государств воины; и даже сами акриты, греческие воины пограничной полосы, часть которых была склонна поменять сторону, побуждаемая к подобному поступку тем, что Константинополь бросил их на произвол судьбы, изымая доходы и притесняя.

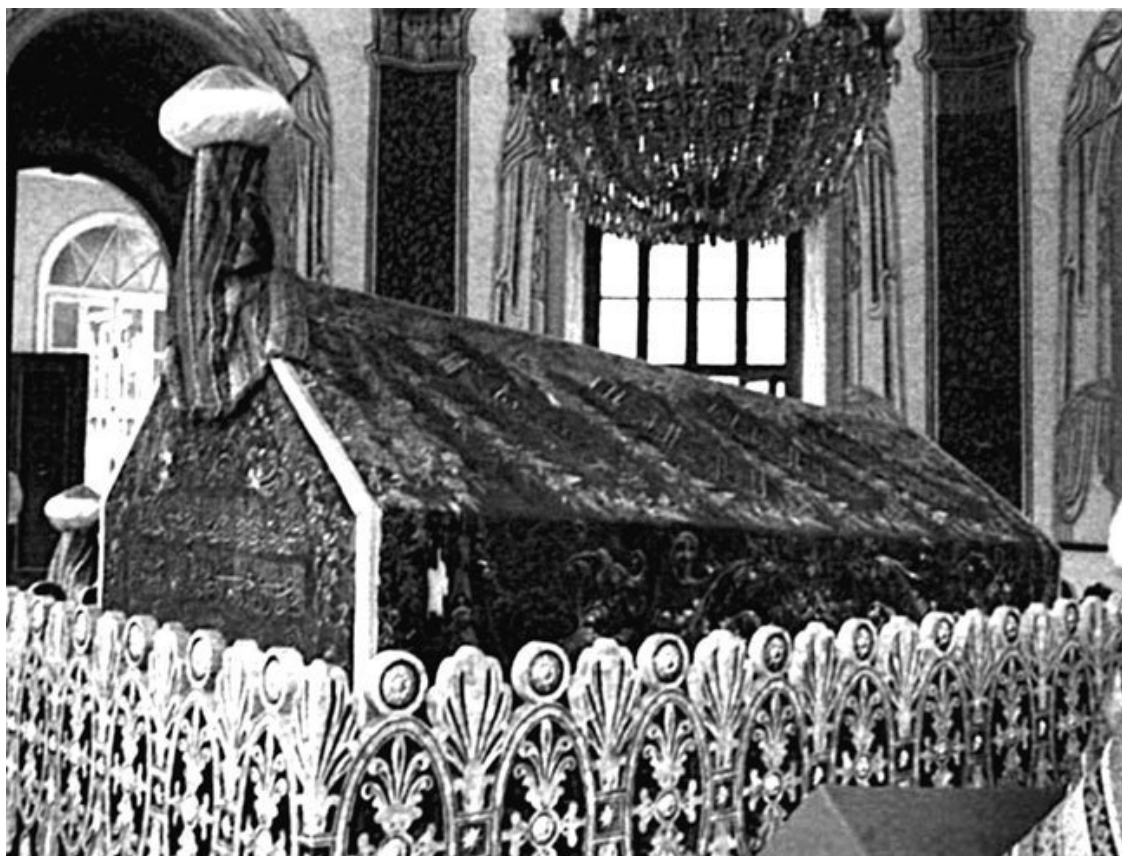
Только после двенадцати лет с момента его прихода к власти, в первый год четырнадцатого столетия, вступил Осман в прямой конфликт с императорскими войсками Византии под Коюнхисаром (греческим Бафеоном). Греки, стремившиеся предупредить набег османов на расположенную перед Никомедией плодородную долину, были легко разбиты решительной и импульсивной кавалерийской атакой, расстроившей их боевые порядки. Это поражение императорских войск, нанесенное им каким-то малоизвестным тюркским вождем, озадачило Византию, которой пришлось теперь рассматривать государство Османа как фактор, с которым необходимо считаться. Осману это принесло славу и, как никогда раньше, святые воины начали стекаться под его знамена со всей Анатолии, гордые тем, что будут известны как османы. Его княжество отныне прочно встало на ноги.

Однако Осман не предпринял попытки развить свой успех, поведя атаку на саму Никомедию, и его войска ограничились опустошением окрестностей города. Минуло семь лет, прежде чем он почувствовал себя достаточно сильным, чтобы атаковать крепости Акхисара, господствовавшие над рекой Сакарья (греческая Сангариус), стекавшей в долину позади Никомедии. Он захватил их, тем самым открыв османам путь к морю. Османы впервые появились на берегах Босфора, постепенно покоряя гавани и крепости на прибрежной черноморской полосе полуострова к востоку от Босфора, и в конце концов проникли в Мраморное море, захватив остров Калолимини. Тем самым Осман блокировал морской путь из Бурсы и еще один из Никомедии в Константинополь, изолировав два города один от другого. После этого Бурса неоднократно подвергалась нападению с равнинной стороны и в конце концов пала в 1326 году, уже тогда, когда Осман лежал при смерти.

После семилетней *осады*, во время которой даже пригороды попали в руки врага, греческий гарнизон был настолько деморализован отсутствием поддержки со стороны Константинополя – совершенно обессиленного династической борьбой между враждующими императорами, – что командующий гарнизоном Эвренос вместе с другими влиятельными греками сдал город и обратился в мусульманскую веру. Здесь, на плодородных склонах горы Олимп, османы основали свою первую в истории империи столицу, постепенно превращая ее наряду с украшением города нетленными образцами архитектуры в цивилизованный центр науки и искусства. В дальнейшем, после утверждения династии в Европе, Бурса перестала быть столицей, но навсегда вошла в историю Османской империи как священный город. Но, что важнее всего, Бурса с ее школами геологии, исламского права и традиций развилась в важнейший центр просвещения, то есть в центр улемы – высшего мусульманского духовенства. Дополняя независимый и часто неортодоксальный воинствующий дух гази, сословие улемов олицетворяло традиционные принципы старого ислама и на протяжении веков оказывало преобладающее влияние – либо направляющее, либо ограничивающее – на государство османов.

Осман был похоронен здесь, в Бурсе, на склоне горы, в усыпальнице, обращенной через море, в сторону Константинополя. Вместе с могилами его наследников она стала центром паломничества мусульман. Эпитафия на его могиле была облечена в форму молитвы, которую на протяжении веков, опоясавшись обоюдоострым мечом Османа, должны были про-

износить все вступавшие на османский трон наследники: «Будь столь же добродетелен, как Осман!». Он действительно был добродетельным человеком, в духе традиций раннего мусульманства, наставлявшим, находясь на смертном одре, своего сына «поощрять справедливость и тем самым украшать землю. Порадуй мою отлетающую душу блистательной чередой побед... Своими руками распространяй религию... Возводи ученость в достоинство, чтобы был утвержден Божественный закон».

Могила Османа I в Бурсе

Историческая роль Османа заключалась в деятельности племенного вождя, сплотившего вокруг себя народ. Его сын Орхан преобразовал народ в государство; его внук Мурад I превратил государство в империю. Их достижения как политиков были по достоинству оценены одним османским поэтом XIX века, сказавшим: «Мы из племени вырастили подчинявшую себе мир державу».

Созданием своего государства и империи османы были во многом обязаны традициям и социальным институтам *гази*, тем бойцам за веру, кому они были искренне преданы. Традиции *гази* уходили своими корнями в жизнь общины, основанную на моральных принципах, с корпорациями, или братствами, подчинявшимися своду исламских правил добродетельного поведения. Исходя главным образом из религиозных целей, они включали абстрактные концепции с сильным влиянием неортодоксального мистицизма, которые в результате принимали конкретную и практическую форму. В городах ранние мусульмане приспособивались к тому, чтобы охватить цеха купцов и ремесленников. В пограничных местностях и деревнях они становились боевыми братствами или братьями по оружию, движимыми воинственным и по существу почти фанатичным энтузиазмом в отношении как религии, так и войны. Проникнутые духом рыцарства, они напоминали популярные рыцарские ордена, налагая друг на друга и принимая

на себя взаимные обязательства во время встреч в местах, напоминавших те, в которых собирались мистические братства Ислама в прежние времена.

Путешественник Ибн Баттута, живший в XIV веке, пишет об этих братствах: «Нигде в мире нельзя встретить кого-либо, сравнимого с ними в их внимательности, заботливости в отношении незнакомцев, в их пылкой готовности покормить вас и исполнить ваши желания, отвести руку тирана, убить агентов полиции и тех негодяев, которые якшаются с ними. Ахи, на их местном языке, это тот, кого собравшиеся вместе товарищи по роду занятий вместе с другими неженатыми мужчинами и теми, кто дал обет безбрачия, выбирают своим руководителем».

По приглашению сапожника в ветхих одеждах с войлочной шапочкой на голове Ибн Баттута посетил приют, выстроенный «примерно двумястами мужчинами разного рода занятий» для того, чтобы принимать путешественников и других гостей, расходуя при этом на общую цель все, что они зарабатывали в течение дня. Это было «изящное здание, украшенное прекрасными ковриками, с большим количеством светильников из иракского стекла. Стоя рядами, в зале находилась группа молодых людей в длинных мантиях и обуви... Их головы были прикрыты белыми шерстяными шапочками с прикрепленными к ним кусками материи длиной в локоть... Когда мы заняли свои места среди них, они внесли большой торжественный обед с фруктами и сладостями, после которого они начали петь и танцевать. Все в них наполнило нас восхищением, и мы были поражены их щедростью и врожденным благородством».

В Бурсе Ибн Баттута был принят султаном Орханом, «который является величайшим правителем среди всех правителей туркмен и самым богатым по размерам сокровищ, земель и вооруженных сил. Одних крепостей у него около ста, и большую часть времени он снова и снова объезжает их... Говорят, что он никогда не останавливался ни в одном городе хотя бы на месяц. Он также непрерывно сражается с неверными и держит их в осаде».

Орхан был младшим из двух сыновей Османа, которого Осман назвал своим преемником, учитывая его недюжинные военные способности. По контрасту его старший сын Алаеддин, был человеком с жилкой ученого, увлекавшийся законом и религией. Легенда гласит, что он отказался от предложения своего младшего брата разделить наследство, по поводу чего Орхан заметил: «Поскольку, мой брат, ты не берешь стада и отары, я предлагаю тебе быть пастухом моего народа. Будь моим визирем». В этой должности он, вплоть до своей смерти семь лет спустя, занимался вопросами управления государством, организации армии и разработкой нового законодательства.

Орхан, избрав своей столицей Бурсу, получил титулы «Султан, сын Султана Гази, Гази сын Гази, средоточие веры всей Вселенной». Здесь он впервые отчеканил серебряную османскую монету, заменившую деньги сельджуков, с надписью: «Да продлит Бог дни империи Орхана, сына Османа». Задачей Орхана было завершить дело отца: объединить в государство смешанное население, которое Осман собрал вокруг себя; «округлить» им завоеванное и расширить его владения; сплотить воедино всех их жителей и тем самым сделать из государства новый центр могущества османов. Более красивый и цивилизованный в своих манерах, более величественный в своей стати, чем отец, Орхан был столь же прост в своих вкусах, как и в проявлениях характера. По характеру он не был ни фанатиком, ни вероломным или жестоким человеком. Обладая более широким, чем Осман, кругозором и будучи более энергичным в действиях, будь то война или государственное строительство, Орхан добивался целей благодаря своей неистощимой энергии, абсолютной целеустремленности и – сверх всего – редкой способности разбираться как в тонкостях управления, так в искусстве дипломатии.

Прежде всего предстояло захватить два города – Никею и Никомедию, находившиеся за высокими оборонительными стенами и представлявшие собой крепости, которые трудно было взять штурмом. Бурса пала из-за отсутствия поддержки со стороны Константинополя. Когда же Орхан решил напасть на Никею – которая сама век тому назад, в период латинской окку-

пации Константинополя, была столицей империи, – император Андроник III считал своим долгом прийти городу на помощь. Но, раненный в битве с османами при Пелеканоне (нынешний Маньяс) в 1329 году, он поспешно бежал с поля боя обратно в Константинополь, бросив большую часть своей армии, остатки которой бежали вслед за ним. Гарнизон Никеи был вынужден сдаться. Подобным образом поступил и гарнизон Никомедии восемь лет спустя.

Все три города пали главным образом по экономическим причинам. Чтобы процветать, они нуждались в доступе к окружающей сельской местности. Когда она попала в руки османов – не как простых налетчиков, а как оседлых жителей – в постоянную оккупацию, не оспариваемую из Константинополя, брошенные на произвол судьбы горожане не имели особого выбора, кроме как доверить свою судьбу врагу. Немногие из них воспользовались возможностью уехать в Константинополь в соответствии с согласованными условиями сдачи в плен. Они предпочли остаться там, где жили, продолжая заниматься своими делами – торговлей и ремеслами, играя свою роль в новом мире, складывавшемся теперь вокруг них вместо старого. К концу правления Орхана население его государства увеличилось, как утверждалось, почти до полумиллиона человек – поразительное отличие от легендарных четырех сотен всадников Эртогрула.

При всей терпимости в отношении христиан, по своей сути это было мусульманское государство, проверка на национальность в котором сводилась к религии. При всем их мирном сосуществовании различие между мусульманами и христианами должно было, безусловно, сохраняться. В самой своей основе оно проявлялось в подходе к вопросу о земле и ее распределения. Только мусульмане были обязаны нести воинскую службу, и в силу этого только они имели право владения землей. Земля распределялась в качестве награды за службу и служила источником набора в армию в форме военных наделов, освобождаемых от налогообложения. Христиане были освобождены от военной службы и, следовательно, не имели возможности извлекать выгоду из подобных прав на землю. Вместо этого они платили налог с каждой головы на поддержку армии. В сельских районах это обстоятельство отводило им статус подчиненных по отношению к обладавшим землей мусульманам. Поэтому христиане стремились жить и работать в городах и поселках, где такого рода ущемления в гражданских правах уравновешивались экономическими преимуществами. Но, добровольно приняв ислам, христианин автоматически становился османом, о его происхождении скоро забывалось, он получал освобождение от налогообложения, право иметь землю, возможности для продвижения и получения доли от доходов правящей мусульманской элиты. Именно этим на данной стадии османской истории в Азии объяснялось растущее число обращенных в ислам.

Будучи феодальной по своей сути, эта система землевладения, основанная на военных наделах, существенно отличалась от феодальной системы Европы тем, что земельные участки были небольшими и, что особенно важно, редко становились наследственными. Ибо вся земля была собственностью государства. Поэтому на данной стадии во владениях османов не существовало условий для возникновения земельной знати, подобной той, которая преобладала по всей Европе. Султаны сохраняли за собой право на абсолютное владение землей, которую они завоевали. Более того, поскольку они продолжали завоевания, росло количество земельных участков, становившихся доступными в качестве награды, для все большего числа солдат. В рамках этой системы Орхан, следуя совету, исходившему от его брата Алаеддина, организовал регулярную армию под командованием суверена, профессиональную военную силу, находившуюся на военном положении, подобной которой в Европе не могли создать на протяжении последующих двух веков. Армия его отца, Османа, состояла только из нерегулярных турецких отрядов, добровольцев-кавалеристов, называвшихся акынджи. Рекрутируемые по деревням под возгласы «каждый, кто хочет воевать», они должны были быть готовы с оружием к определенной дате. Они были опытными наездниками, скакавшими сплошной массой, «как стена». Орхан, набирая своих воинов среди обладателей военных наделов, преобразовал это войско в авангард кавалеристов-разведчиков, роль которых заключалась в том, чтобы изу-

чить местность перед намечаемой атакой. Таким образом, их преданность гарантировалась самыми богатыми земельными наделами. В поддержку им давались проводники, так называемые чавуши, и регулярные корпуса кавалерии, сипахи, получавшие денежное содержание.

Орхан набирал также нерегулярную пехоту, именовавшуюся азабы – войско, которое можно было не щадить и место которого было на линии атаки, а задача – вызвать на себя первый залп противника. За ними противник, нередко к своему крайнему удивлению, наталкивался на более грозную линию вооруженных копьями, вымуштрованных войск. Взятые из корпусов солдаты, которые получали жалованье и назывались оджаками капы кулу, были вооруженной силой, хорошо обученной приемам совместного ведения боя под началом командиров, которых они знали и уважали. В отличие от преобладавших в то время наемников они были едины в своей преданности суверену, считая его дело своим собственным и целиком доверяя ему соблюдение своих интересов в смысле продвижения по службе и других наград за службу. В принципе они постоянно находились «у двери султанского шатра», подчиняясь абсолютной власти правителя, служа ему лично, под началом командира, которому поручено действовать от имени султана. Сила этих новых регулярных османских войск заключалась в абсолютной сплоченности и их постоянной готовности сражаться.

Османе всегда были начеку, их нельзя было застать врасплох. Армия была оснащена первоклассной службой разведки, хорошо информированной относительно того, когда и где может появиться неприятель, дополняемой безукоризненной работой проводников для сопровождения войск по нужному пути. Путешественник Бертран де Ла Брокьер так отзывался об османских войсках: «Они могут внезапно трогаться с места, и сотня солдат-христиан произведет больше шума, чем десять тысяч османов. При первых ударах барабана они немедленно начинают маршировать, никогда не сбиваясь с шага, никогда не останавливаясь, пока не последует приказа. Легко вооруженные, они способны за одну ночь проделать путь, на который у их христианских соперников уйдет три дня».

Таковы были военные таланты выносливого, упорного и дисциплинированного народа, веками вырабатывавшего в себе привычки кочевников к скорости и мобильности; таковы были – также с точки зрения организации и тактики – принципы усовершенствованного инструмента ведения войны, предназначенного превратить государство османов в империю. Это был народ, инстинктивно движимый унаследованным импульсом кочевников все время идти вперед, по сознательно намеченному в западном направлении пути, в поиске новых пастбищ. С тех пор как они были обращены в ислам, этот поиск вообще стал святым делом и еще сильнее подогревался их религиозным долгом. Теперь этот поиск к тому же приводили в движение общественная и экономическая потребность в экспансии из-за давления перенаселения в результате непрерывного притока в приграничные местности новых поселенцев: будь то земляки-кочевники, мусульмане неортодоксальных взглядов или искатели приключений из княжеств Центральной Анатолии. Теперь, придя из степей Центральной Азии, эти турки должны были рискнуть пересечь незнакомую и негостеприимную стихию – море, К. середине XIV века их войска были готовы к высадке в Европе.

Орхан I – второй правитель османского государства, правивший с 1326 по 1359 годы

2

Вступление турок в Европу не было каким-то внезапным вторжением, подобным монгольскому походу через Азию. Скорее, это был процесс постепенной инфильтрации, роковое следствие упадка и падения Византийской империи. Этому процессу сопутствовало отсутствие, скорее по религиозным, чем по политическим причинам, единства среди христианских государств – Запад был против Востока, католики против православных, римляне против греков. Подобное состояние достигло своей кульминации в начале XIII века, выразившись в вероломном нападении латинских рыцарей – участников четвертого крестового похода – не на мусульман в Святой Земле, как первоначально намечалось, а на своих же братьев по вере – греков, христиан Константинополя. После захвата и разграбления города в 1204 году они основали Латинскую империю на большей части оставшейся у Византии европейской территории. Благодаря в значительной степени отсутствию единства между группировками ее собственных христиан, Латинская империя на деле оказалась эфемерным образованием, существование которого длилось чуть больше половины века, в то время как греки продолжали сохранять свою власть над сохранившейся у них азиатской территорией, опираясь на Никею. В 1261 году греки могли вновь вернуть себе Константинополь.

Но удар, нанесенный их империи, в конечном счете оказался роковым. Византии удалось просуществовать еще два столетия, но это был как бы некий призрак ее прошлого. Идущая из глубины веков слава мировой державы и центра цивилизации окончательно померкла.

Никогда больше не смогла Византия восстановить свои прежние силу и безопасность. Территория была опустошена. Болгария, Сербия, Македония утрачены одна за другой. Константинополь наполовину разрушен, лишившись своих богатств и большей части населения. Торговля империи с Востоком сместилась в другие районы. То, что сохранилось от Византии на западе, перешло в руки венецианцев и генуэзцев. Религиозная вражда с латинскими странами и папством полыхала сильнее, чем когда-либо. Изнутри империю подтачивали административная дезинтеграция, социальная реформация и финансовая несостоятельность.

В этот критический период истории Византии так и не появилась сильная династия правителей, которая смогла бы связать воедино еще сохраняющиеся элементы империи и вдохнуть в них новую жизнь. Напротив, после возвращения Константинополя правление первого императора из династии Палеологов было отмечено – за исключением, пожалуй, лишь мира искусства, – не ренессансом, а длительным периодом дальнейшего заката империи. Последствием отнюдь не святой войны христиан с христианами стало отсутствие единства внутри императорского дома, расколотого в ущерб себе, и наличие династии, втянутой в периодически возобновляющуюся войну, в которой сын сражался против отца, внук – против деда, узурпатор – против законного суверена. Этот раскол неизбежно играл на руку туркам, единым в своей священной войне за дело Ислама. В контексте этой войны они едва ли должны были вторгаться в Европу. Но ситуация складывалась так, что они в Европе все-таки оказались.

Первоначально они выполняли здесь свою традиционную роль наемников, аналогичную той, которую сыграли в арабской империи халифата Аббасидов тремя веками раньше. Первые наемники пришли из колонии тюрок, обосновавшихся в Добрудже, на западном побережье Черного моря, после восхождения на императорский трон первого из Палеологов, Михаила VIII, бежавшего из-под оккупации латинян и жившего в качестве изгнанника при дворе сельджуков. Эти турки пришли на помощь свергнутому с трона султану сельджуков Иззеддину, который, в свою очередь, нашел убежище в Константинополе. После угрожающей демонстрации против императора они добились освобождения султана из-под стражи и вместе с ним отправились в Крым. Но его сын и отряд его стражи остались в Константинополе, приняли

христианство и составили костяк корпуса турецкой милиции, вскоре пополнившего свои ряды и обеспечившего желанное подкрепление императорской армии.

В начале XIV века император Андроник II схожим образом призвал к себе на помощь крупное войско наемников – христиан из Каталонской Великой Компании под командованием не признававшего никаких законов солдата удачи Роже де Флора. Когда каталонцы учинили в Константинополе беспорядки, он переправил их в Малую Азию. Здесь они успешно сражались против турок, но забирали себе всю военную добычу за счет греков, с которыми они в конце концов вступили в открытый конфликт, основав в Галлиполи европейскую штаб-квартиру и стремясь превратить ее в собственное государство. Когда Роже де Флор был опрометчиво убит в императорском дворце, каталонцы в ярости обрушились на греков и пригласили своих прежних врагов – турок из Малой Азии – помочь им в борьбе против империи, которую они пришли защищать. Таким образом, именно каталонцы – первые, кто несет ответственность за появление турок в Европе, – сражались против греков и качестве организованной силы. Когда каталонцы наконец ушли в Фессалию, они оставили позади себя, во Фракии и Македонии, большое войско турок, совершавших нападения на пути сообщения и сеявших общий беспорядок. Их лидер Халил достиг договоренности о выводе войска в обмен на охранную грамоту для переправы через Босфор. Но когда греки в нарушение договоренности попытались лишить турок их трофеев, Халил вызвал подкрепление из Азии, нанес поражение и вынудил спасаться бегством юного императора Михаила IX и с презрительной насмешкой принял головной убор императора. Император смог избавиться от этих турок, только призвав на помощь войска сербов.

Начиная с этого времени на протяжении всего XIV века острова и побережья европейской части Византии подвергались череде пиратских рейдов турок из различных княжеств Малой Азии. Только вражда между ними предотвращала согласованное вторжение в то время, когда число турок, сражавшихся на стороне греков, равнялось числу турок, сражавшихся против них. Среди них были татары с северных берегов Черного моря, схожие расовыми корнями и традициями, волнами накатывавшиеся через южнорусские степи в Крым и дальше на запад, вплоть до Венгрии. Тем временем турецкие пираты из княжества Айдын в Малой Азии грабили население островов в Эгейском море, спровоцировав «крестовый поход» войск римского папы, захвативших город Смирну (Измир).

Собственно османы не принимали в этих враждебных действиях никакого участия, прозорливо рассчитав, что тем самым они только ослабляют своих враждующих соседей и соплеменников – турок. Хотя к 1330 году османы фактически оккупировали берега Босфора прямо напротив Константинополя, оставаясь верными своей терпеливой, бдительной политике, они не пересекали его воды в сторону Европы еще на протяжении семи лет.

Потом они сделали это по приглашению великого доместика и узурпатора Иоанна Кантакузина, способного и амбициозного лидера, провозгласившего себя императором в противовес законному наследнику – императору Иоанну Палеологу и попросившего турок поддержать его в последовавшей за этим гражданской войне. Теперь в обмен на военную помощь Кантакузин предложил в жены Орхану свою дочь Феодору. Предложение было немедленно принято. В 1345 году около шести тысяч османских войск переправились в Европу. Здесь они помогли узурпировавшему власть императору отбить у Иоанна Палеолога прибрежные города Черного моря, опустошить Фракию, осадить Константинополь и вплотную подошли к Адрианополю (ныне Эдирне).

На следующий год свадьба византийской принцессы и султана османов была отпразднована на европейских берегах с соответствующей помпой и церемониями. Орхан, ставший лагерем напротив, в Скутари, направил флот из тринадцати турецких судов и эскорт кавалерии, чтобы увезти свою невесту из величественно декорированного коврами павильона, воздвигнутого в ставке императора в Силимври. Здесь, как воспроизводит это «унижение пурпура» Гиббон, «Феодора взошла на трон, который был окружен занавесями из шелка и золота; стоял

строй войск с оружием; только один император был верхом. По сигналу занавеси были внезапно убраны, чтобы показать невесту, или жертву, окруженную коленопреклоненными евреями и свадебными факелами; звуки флейт и труб возвестили начало радостного события; и ее показное счастье было темой свадебной песни, которую исполнили лучшие из поэтов, которых только породил этот век. Без церковного обряда Феодора была отдана своему господину варварского происхождения; но было оговорено, что она должна сохранить свою веру в гареме Бурсы; и ее отец превозносил ее милосердие и преданность в этой двусмысленной ситуации».

Она действительно смогла быть полезной своим братьям и сестрам по вере, содействуя выкупу и освобождению многочисленных рабов и пленников – христиан.

За этим матримониальным и военным союзом с османами последовали после выезда Кантакузина в 1347 году в Константинополь брак его другой дочери, Елены, с юным Иоанном Палеологом и их признание, с обеих сторон, в качестве императоров-соправителей. Так турки-османы основательно укоренились в Европе, но не как враги, а как союзники и родственники императоров Византии с султаном, приходившимся одному из императоров зятем, другому императору – свояком, а также зятем царю соседней Болгарии.

Это не удержало Орхана от принятия к рассмотрению конкурирующего предложения об аналогичном союзе от враждебного Византии Стефана Душана, который расширил свое государство Сербию в «империю», присвоив себе титул «господина почти всей Римской империи» и который был даже провозглашен венецианцами «Императором Константинополя». Не сумев, тем не менее, заручиться поддержкой венецианцев в нападении на Константинополь, Стефан вместо этого стал искать поддержки со стороны Орхана, предложив соединение сербской и османской армий для совместной кампании против города. Чтобы скрыть союз, он предложил свою дочь в жены сыну Орхана. Орхан направил к Стефану послов, чтобы принять предложение. Однако этот план был нарушен Кантакузином, который перехватил послов, убив одних, взяв под стражу других и присвоив себе предназначавшиеся сербскому «императору» дары. И ни Стефан, ни Орхан, чьи цели были настолько схожи, что их легко можно было бы согласовать, больше переговоров не возобновляли. В конечном счете Стефан в 1355 году попытался атаковать Константинополь в одиночку, силами восьмидесяти тысяч человек. Но он скончался на второй день похода, и его «Сербская империя» умерла вместе с ним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.